

Ранней солнечной осенью, под лепет падающих листьев, так похожих на спокойный шорох слепого дождя, писатель Полудин возвращался из продуктового магазина в свою квартиру. И вдруг, подходя к подъезду, он ощутил неожиданный толчок в спину. Толчок не был бесцеремонно-грубым – он даже походил на давно забытую детскую шалость. И всё же в этом толчке угадывалась обидная жёсткость.

Полудин оглянулся и никого не увидел.

За его спиной стояла... старость.

Как только перевалило за семь десятков, Полудин по-другому ощутил движение времени. Казалось, остатние годы обрели особые, полётные, крылья: не успеешь с весной распротиться, как слёзная осень в окна стучится. Накопилась возрастная усталость, которую многие люди, не особенно вдумываясь, склонны принимать за лень. И всё чаще, несмотря на свою изжитость, у Полудина возникало странное ощущение возвращения в детские годы: так же, как когда-то, стал бе-

лым волос, появилась неустойчивая – в пору материнскую руку ищи – походка, а голос истончился до ломкости.

Ему часто вспоминалась бабушка по отцу, Варвара, прожившая почти сто лет. Угнетённая немощью, она не раз обращалась к Богу: «Господи! Когда же ты возьмёшь меня к себе?» Тогда, в пору беззаботной молодости, Полудин не понимал эту искреннюю мольбу. Казалось, бабушка в душе лукавит и ищет у ближних обыкновенного сочувствия.

Теперь Полудин с особым интересом разглядывал в семейных альбомах старые фотографии. Он сравнивал знакомые лица с обликом тех кто давным-давно ушёл в мир иной, и ему становилось грустно. Он замечал, что некий, «усреднённый», образ человека терял черты былой открытости и простодушия.

Порой, мысленно отстраняясь от всего бренного, Полудин ощущал себя каким-то пришельцем, невольным соглядатаем в земной жизни, и тогда многие человеческие поступки виделись ему нелепыми, непонятными, да и сам телесный облик человека вызывал у него удивление.

Перед ним, как и перед каждым человеком, оказавшимся на обрыве земной жизни, вставал неумолимый, волнующий своей тревожностью вопрос: а что будет дальше? Да, тело бренно. Да, душа бессмертна. Но что ожидает весь род человеческий? Рано или поздно, по своей вине или по воле Божьей, человечество исчезнет, повторив судьбу отдельного человека. Гениальные книги превратятся в прах. Навсегда умолкнет земная музыка. И каково будет нашим осиротевшим душам, лишившимся церковного поминовения?

Кто вспомнит нас на безлюдной Земле, которая тоже не вечна и когда-то превратится в бесплодную пыль? И как, видя такое будущее, не опустить бессильно руки и не впасть в тяжкий грех уныния и безразличия?..

Полудин мучился, осознавая бесполезность своего писательского труда, и всё же, в силу какой-то непонятной инерции, подходил к своему письменному столу, где застыла, как изваяние, его пишущая машинка, и начинал, как он выражался, «отаптывать место» для новой повести: записывал на маленьких листочках отдельные слова, фразы.

Он знал, о чём будет писать, но, чтобы стронуться с места – не хватало первой фразы. Этой фразе Полудин придавал особый, магический, смысл. Эта фраза могла быть короткой, простой. Она могла быть довольно длинной, цветистой. Но в любом случае первая фраза должна была тронуть душу и вызвать неудержимое желание писать дальше. Писать, как дышать. Не считаясь со временем и со своими сомнениями.

Полудина волновали картины былой охоты. Перед глазами вставал покойный отец – страстный охотник по перу. И, отдавшись воспоминаниям, в каком-то блаженном забытии, Полудин тянулся к стене, где висела его ижевская двустволка. Он оглаживал приклад, трогал замершие курки, и ему явственно, как будто это было вчера, слышались терпеливые отцовские наставления:

«Левый глаз закрой! Твёрже стой! Крепче прижимай приклад к плечу! Мушку веди снизу вверх! Так, так... Довёл до цели, притаил дыхание и плавненько-плавненько нажимай курок...»

Постаревший Полудин, прищурившись, начинал целиться в чучело глухаря. Дуло немножко гуляло, и Полудину требовалось некоторое время, чтобы успокоить его.

Однажды, когда он намеревался спустить курок, в его кабинет заглянула жена:

– Ты что делаешь?

– Да вот... – замялся Полудин. – Охочусь!

– Убрал бы ты его подальше! – посоветовала жена. – От греха...

– Куда подальше? – возразил Полудин. – В землю, что ли, закопать?

И, вернув ружьё на прежнее место, начал копать в раздвижном ящике с патронами. Он искал спичечный коробок с уже использованными дробиными. Как утверждал старый охотник Ерофеич, патрон с такими дробиными никогда не даст «пуделя», точно поразит цель.

«Счастливая» дробь, подобно первой художественной фразе, будоражила воображение Полудина.

«А не махнуть ли мне в деревню, к Полковнику?» – думал он. Когда он отвлекался от своей немощи, это желание казалось ему таким простым, бытовым.

Полковник, брат жены Полудина, почти его одноклассник, проводил всё лето в благодатных некрасовских местах, в лесной деревне Алешунино. В свою московскую квартиру он не спешил. Несколько лет тому назад после изнурительной болезни ушла в мир иной его жена Полина, оперившиеся детишки-слётки разлетелись по разным городам и весям, и оставшийся в одиночестве Полковник тянул с возвращением в новопрестольную не только до прощальных журавлиных криков, но и до «первых мух» Покрова.

Иногда, сильно заскучав, Полковник звонил Полудину:

– Физкульт-привет! Как поживает рыцарь печатного образа?

– Слава богу! – настраиваясь на шутливый лад, отвечал Полудин. – Вашими молитвами, как колами, подпираемся!

– В гости не собираешься?

– Да вот... – соображал Полудин. – Думаю!

– Чего думать? – наседал Полковник. – Надо прыгать!

– Ладно! – соглашался Полудин. – Может, на следующей неделе!

– Давай! Давай! – торопил Полковник. – Поговорим вдоволь! Хватим по граммулке!

– По капелюшке! – улыбался Полудин.

– Да, да, по капелюшке, возведённой в определённую степень! – соглашался Полковник. – Ушицу сварганим, а бог даст, и вечерку отстоим...

– Хорошо бы! – вздыхал Полудин.

Полковник, помедлив, сбавлял обороты:

– За себя, правда, не ручаюсь. У меня катаракта на правом глазу. Рюмку без проблем выцеливаю, а вот насчёт охоты. ..

– Да ты не беспокойся! – утешал Полудин. – Вдвоём и с одним ружьишком можно поохотиться. Я прицельюсь – ты нажмёшь!

– Разве так... – соглашался Полковник. И снова в его голосе появлялся командирский напор: – Ну давай! Давай! Не тяни kota за хвост! Составь компанию отшельнику!

«Знаем мы этого отшельника!» – усмеялся Полудин.

И, пожалуй, сомневаться в глубоком одиночестве Полковника у него были все основания. Однажды, во время очередного телефонного разговора, Полковник резко понизил голос и кому-то ласково сказал: «Ну что, подруга? Ещё плеснуть пивка?»

После разговоров с Полковником Полудин оживал.

– Надо ехать! – говорил он себе. – Ну конечно же, надо ехать!

И удивительное дело – словно подстёгивая его – Полудину стали сниться яркие охотничьи сны.

Вот он с ружьём наперевес приближается к тетеревиному току. Он даже не перебирает ногами – плывёт, словно невесомый утренний туманец. Ветерок-тихойей слегка шевелит багряные листья осинника.

На полянке, отороченной узколистым ивняком, он видит свежие наброды, пух и перья. Пуха невероятно много – такое ощущение, что на этом месте кто-то, озорничая, располосовал с десятков пуховых подушек.

«Почему так много следов и пуха? – удивлённо думает Полудин. – Ведь сейчас осень... Время токов отошло...»

Словно желая изменить картину, налетает сильный ветер, разносит пух в разные стороны, и место весеннего токовища начинает покрывать косо летящая листва.

«Конечно, осень!» – говорит он себе, и это означает, что ему нужно идти через сосновый бор к брусничным болотам. По осени тетерева кормятся ягодой, а ночуют они чаще всего на деревьях, предпочитая нижние ветки высоким.

Он идёт, не испытывая усталости, и такое ощущение, что само ружьё, которое он держит наперевес, увлекает его вперёд. Только держи крепче – иначе оно вырвется из рук. И он держит его изо всех сил, плотно прижимает к плечу, хотя в этом как будто нет никакой необходимости.

«Зарядил ли я ружьё “счастливым” патроном? – волнуется Полудин. – Кажется, зарядил...»

Впереди заполошно заверещала сорока.

«Предупреждает!» – досадуя на лесную ябедницу, думает Полудин. И плывёт ещё осмрительнее, осторожнее, то и дело поглядывая себе под ноги – как бы не наступить ненароком на притаившийся сухой сучок...

Он увидел его, а скорее, почувствовал, ещё не видя, но уже рисуя добычу во всей дикой красе.

Большой чёрный глухарь тяжело, словно индюк, переступал на сосновом, в золотистых чешуйках, суку. Он забавно наклонял голову и иногда издавал хрипловатый горловой звук. Казалось, лесной петух пытается откашляться после брусники, которая не успела пройти в его тугой лоснящийся зоб.

Полудин заволновался. Казалось, сердце колотится уже не в груди, а где-то в горле. Ещё немного, и он станет откашливаться, как этот сытый матёрый глухарь.

Крадучись, Полудин двинулся дальше – от дерева к дереву. И неожиданно, с каждым шагом всё больше и больше, он почувствовал, как его ружьё, прежде такое лёгкое, обретает вес, тяжелеют ноги, а в правой руке появляется предательская осиновая дрожь.

Он не сводил восхищённых глаз с этой дивной иссиня-чёрной краснобровый птицы и неудивительно, что, заглядевшись, наступил на скрытую в листве сухую ветку. Раздался треск.

Лесной петух насторожённо, по-гусиному вытянул шею.

Полудин стоял на одной ноге, как болотная цапля, боясь сделать лишнее движение. Задрал голову, он смотрел на потревоженную птицу и был готов, если бы это было возможно, превратиться в одну из неподвижных сосен.

Ему начало казаться, что он и дикая птица смотрят глаза в глаза, и он, обеспокоенный напором чёрных, смородиновых зрачков, опустил голову и перевёл свой взгляд на валежину, которую предстояло перешагнуть.

Глухарь вышел на голый сук, остановился. Ещё мгновение, и он может взлететь.

«Резче! Резче делай вскидку!» – сказал себе Полудин. И вдруг, совсем некстати, засомневался: на какой курок нажать? Почему-то подумалось, что правый курок слабее и может подвести.

«А если ударить дублетом?» – подумал он и сразу вспомнилось мнение Ерофеича: дублетом бьёт тот, кто не верит в первый выстрел.

Полудин знал: по осени косачи, как никогда, крепки к выстрелу. Куда следует метить? Может, прямо в голову?

Ружьё продолжало тяжелеть. Медлить было нельзя.

Быстрым, выверенным движением Полудин поднял ружьё и попытался нажать спуск. Но указательный палец, коснувшись крючка, застыл, словно парализованный.

Косач с грохотом сорвался с дерева и, закудахтав, словно курица, скрылся среди прямых, строевых сосен. Сизоватое пёрышко, как напоминая о нём, покружилось в воздухе озорным пропеллером и упало на сосновую иглицу со следами птичьего помёта.

Полудин опустил – будто уронил – свое тяжёлое, как дедовская «фузья», ружьё и поднёс к заслезившимся от напряжения глазам указательный палец.

Палец был жёстким, безжизненным.

Полудин поморщился и стал с усердием растирать холодные фаланги.

«Да бог с ним, с этим глухарём! – подумал он. – Вернуть бы палец!»

– Вернуть бы палец! – сказал он, просыпаясь.

– Что с тобой? – спросила жена.

– Да так... – неохотно отозвался Полудин. – Приснится же такая ерунда! – И украдкой потрогал тёплый указательный палец, несколько раз согнул...

Нормальный палец, но почему подвёл?

Этот сон до глубины души всколыхнул Полудина: надо собираться к Полковнику, в деревню! Сколько ещё можно тянуть?..

Ах, как радостно, на удивление легко проходили его бывшие охотничьи сборы! Не нужно было ломать голову, что с собой взять, составлять список-памятку. Необходимое помнилось, словно таблица умножения: ружьё, патронташ, сумка, термос с горячим чаем, еда. Он отбирал патроны с разной дробью: нолёвка – для гуся, четвёртый номер – для уток, пятый или шестой – для тетерева, восьмой – для вальдшнепа.

Его действия были почти машинальными. Руки творили своё привычное дело, а охотничья душа уже гуляла в желанных некрасовских пределах.

Теперь же Полудин сосредотачивался на самых обыкновенных бытовых действиях и злился, когда что-то не получалось. Как на грех, куда-то запропастился прорезиненный плащ, а когда он нашёлся в чулане, то на нём не хватало несколько пуговиц. Жена начала пришивать. А потом она обнаружила дырку под рукавом.

«Когда всё это кончится! – досадовал Полудин. – Ну сколько можно!»

Перед сном он подошёл к окну. Лиловые облака, вытягиваясь, ползли над погружающим во мрак городом, и Полудин поймал себя на постыдной мысли: а вдруг пойдёт дождь, и он, в очередной раз, отложит утомительную поездку. ..

Однако на всякий случай внимательно осмотрел ружьё, проверил курки. Всё было в порядке: правый, который ему казался во сне ненадёжным, работал легко.

«Зачем брать с собой патронташ? – думал Полудин. – Лишняя тяжесть... Возьму-ка парочку патронов с той самой, “счастливой”, дробью, и хватит!»

На рассвете, протирая глаза, Полудин подошёл к окну. Синее, очистившееся от облаков небо не давало ему никаких шансов на отсрочку.

– Ну что, брат? – вздохнул Полудин. – Надо прыгать... Ни пуха тебе ни пера!

Жена трижды перекрестила охотника, и он, вялый, недовольный, как школьник, которого только что оторвали от сладкого сна перед отправкой в школу, вышел на безлюдную улицу. И чем дальше он удалялся от своего городского дома, чем сильнее чувствовал ружьё, которое поддавливало плечо, тем легче становилось на душе.

«Всё-таки я молодец! – говорил себе Полудин. – Ну, конечно же, молодец!»

2

Он вышел возле деревенского магазина, потоптался, приходя в себя, и по каменистой, раскрошенной в мел, дороге направился к дому своего шурина.

Из крайней избы ему навстречу вышла пожилая женщина с пустым ведром. Заметив Полудина, она улыбнулась и возвратилась назад к крыльцу. Похоже, она верила в старую примету: пересечёшь кому-то дорогу, и уже не будет встречному человеку пути.

– Доброе утро! – крикнул Полудин. – Спасибо!

– С добрым утречком! – певуче отозвалась женщина. – На охоту собрались? Удачи вам!

– Как повезёт! – неуверенно сказал Полудин.

– А почему не повезёт? Всё у вас получится! – Женщина говорила уверенно, и эта уверенность невольно передалась старому охотнику.

Он открыл знакомую калитку, и к его ногам, потряхивая ушами, бросилась рыжая охотничья собака.

– Дамка! Дамка! – ласково сказал Полудин. Кажется, она вспомнила его: потёрлась в ногах, заглянула в глаза. И помчалась к распахнутой двери, чтобы предупредить своего хозяина.

– Гав! Гав! – словно не пролаяла, а проговорила Дамка, и это означало: к нам гости!

А гость уже поднимался по давно некрашенным ступеням, входил в просторный коридор, разглядывая вешалку, на которой сложно было рассмотреть какой-либо крючок – так много висело разной одежды: весенней, летней, осенней и даже зимней.

Над дверной притолокой торчала вделанная в берёзовую круговину большая щучья голова с оскаленной пастью. Полудину показалось, что голова, по сравнению с его предыдущим приездом, усохла, а белёсая щетка зубов заметно поредела.

– Ну наконец-то! – сказал Полковник, встречая Полудина.

Они обнялись, похлопали по плечам.

Полудин с живым любопытством приглядывался к старому гусару. Пожалуй, Петрович не очень изменился внешне. По-прежнему держится с вальяжной прямоотой, ничуть не стесняясь своего выпирающего колесом живота. А, собственно, чего стесняться? Как говорит Петрович, «всё, что выше пупка, можно считать грудью». И на расхожий вопрос

о здоровье у него всегда есть достойный ответ: «Хуже, чем было, но лучше, чем будет».

И его тёмные усы ещё не стали уныло-бульбовскими.

– Пра-ашу к столу! – Полковник сделал широкий гостеприимный жест. – Чем богаты...

На столе, в глубокой миске, желтели губастые сосновые рыжики, приправленные густой деревенской сметаной и посыпанные кольцами лука. А из кухни уже тянуло сладковато-пряным духом ухи и слышалось, как смачно, по-тетеревиному, чуфыкает яичница на сале.

Полудин стал раздеваться.

– Да складывай всё на лавку! – не выдержал Полковник. – На мою вешалку повесишь – не скоро найдёшь! Сапоги в угол поставь! Дамка, подвинься! Дай место человеку!

Полудин улыбался. Ему нравилось, что Полковник не заморачивает себя бытом, живёт, как ему хочется, без оглядки на досужих людей. Та уверенность, с которой держался Полковник, могла убедить каждого, кроме женщин, что он поступает правильно.

– А я, признаться, маленько накатил! – разглаживая усы, сказал Полковник.

– Ну что ж... – согласился Полудин. Глядя на уютного, довольного собой, шурина, и ему захотелось выпить. А ведь в городе его не тянуло к спиртному. Вина, которые он держал на всякий случай, про запас, вполне могли превратиться в коллекцию.

– С чего начать? – задал Полковник известный ленинский вопрос и без лишних колебаний, присущим оппортунистам, бодро ответил: – Начнём с ушицы и моей «целебной». Твою казёнку пока уберём.

Налили янтарную, играющую солнечными блёстками, ушку в большую общую миску и дружно взялись за деревянные ложки.

– Ну, за встречу! – проникновенно сказал Полковник и, смежив живые карие глаза, которые так не вязались с его возрастными морщинами, опорожнил рюмку. – Ух!

– Сам ловил? – спросил Полудин.

– Частично, частично... – признался Полковник.

– Стреляешь? – пытал Полудин.

– Какая на хрен стрельба! С этой катарактой всякую охоту забудешь... Рыбку, правда, полавливаю. Да и то с берега. Лодка разохлась, прохудилась, а смолить да конопатить лень.

– Лень! – как эхо, отозвался Полудин. Он вполне понимал своего сверстника.

– Возраст, брат! – задумчиво сказал Полковник. – Молодость ни за какие деньги не купишь! – И тут же бедово, словно косач на весеннем току, повёл широкими плечами. – Но ничего, жить ещё можно. Пока карман с ширинкой не путаю!

Полудин заулыбался.

Полковник вытер губы и деловито, словно охотник, работающий с баркляем, стал приминать флотский табак в прокуренной трубке.

– Как Абориген? – спросил Полудин. – Не завязал?

– Куда там! Бальзамируется. Со ссылкой на фараонов. Говорит: «Курить буду, но пить не брошу!»

– Охотится?

– Бывает. Если тетерева с домашним петухом не перепутает. – Полковник разжёл трубку и пустил в потолок тугую струйку дыма.

Полудин, задумавшись, стал сгибать и разгибать указательный палец.

Полковник насторожился:

– Ты чего пальцем барабаешь?

– Тренируюсь. Боюсь, как бы рюмка из руки не выскользнула.

– Молодец! – похвалил Полковник и, задорно поиграв глазами, скомандовал: – Чашки наголо!

«Чашки», конечно, не «шашки», но Полудин, отозвавшись на гусарский клич, быстро поднял очередную рюмку. От любовно выделанной «целебной», настоящей то ли на ягодах боярышника, то ли на калгановом корне, ему стало тепло и по-особому уютно.

Уйдя в себя, Полудин вспоминал свой недавний сон и представлял, как завтра пойдёт в лес, на тетеревиные тока. Разумеется, сейчас, по осени, не бывает жарких тетеревиных свадеб, и всё же, как правило, лесные петухи держатся недалеко от своего токовища.

Мощная сосна с обломанным, почти засохшим, суком, возле которого тогда угнездился матёрый косач, вставала перед его мечтательными глазами. И почему-то, может быть, очень наивно, думалось: возможно, и сейчас тот же самый тетерев, поджидая Полудина, сидит на той же самой вековой сосне. Их поединок будет продолжен. С той разницей, что главный палец не подведёт его.

И снова Полудин задвигал пальцем. Наколов вилкой тугой, пахнущий хвоей рыжик, рассеянно спросил:

– Как там Маришкин ток, возле Косой лощины?

– И-ишь че-его! – насмешливо протянул Полковник. – Нашёл что вспомнить! Было когда-то токовище. Там, местные говорят, до ста петухов собиралось...

– И что теперь?

– Был ток, да весь вышел. На птицу какой-то мор напал. Одни подошли, а других, ослабших, филины закогтили.

– Неужели ни одного не осталось? – удивился Полудин.

Полковник потянулся к бутылке, чтобы налить:

– Ерофеич говорил: только один уцелел. Самый матёрый. Абориген его недавно в осиннике видел, возле Ям. Сидит себе на самой верхотуре, горькие листочки поклёвывает...

– В осиннике... – задумчиво повторил Полудин, и в голове пронеслось: «Значит, не на сосне. Не там...» – И что же дальше? Неужели не подстрелил?

– Нет, не взял! – Полковник осторожно, чтобы не разлить, чокнулся с Полудиным, помолчал, а после неспешно, отвлекаясь на закуску, продолжил: – Говорит: не захотел. Я ему: «Признайся! Под наркозом был?» А он своё: «Нет, Петрович, ни в одном глазу!» Я, естественно, спрашиваю: «Так в чём же дело? Почему отказала хотелка?» А он ощерился: «Ну сам подумай: зачем мне этот петух? Старый, как мой дед, мясо жёсткое – не ужуёшь! Неужели мне из-за него последних зубов лишаться?»

Полудин рассмеялся, но вскоре, посерьёзнев, призадумался: Абориген, похоже, лукавил...

Полковник, забавляясь, словно подросток, пускал к потолку с пристывшими осенними мухами голубые колечки дыма.

И Полунину, глядя на него, тоже захотелось закурить, по-настоящему почувствовать давно забытую табачную горечь.

– Сигареты есть? – спросил он.

Полковник не удивился странной просьбе, и это очень понравилось Полудину.

Неловко придерживая, он стал разжигать тонкую сигарету с фильтром. Было слышно, как в соседней комнате заливается на разные голоса телевизор.

– Зачем он работает? Выключи! – попросил Полудин.

– Ты его слышишь? – удивился Полковник. – А я привык. Я его даже по ночам не выключаю. Как-то спокойнее с ним...

Полковник, кивнув головой, как будто согласился с просьбой Полудина – да-да, конечно, нужно выключить! – но, потянувшись к рюмке в очередной раз, начисто забыл обо всём.

А Полудину было неловко напоминать: всё-таки в чужой монастырь не ходят со своим уставом.

Дамка лежала возле дверей на цветастом домотканом коврикe. Она, слегка потряхивая головой, поглядывала на пирующих мужиков. В её взгляде порой проглядывала осмысленность, не свойственная животному, и впечатлительному Полудину начало казаться, что Дамка, привыкшая к человеческой речи, всё понимает.

– Та-ак! – сказал Полковник. – А где у нас пиво? – И, почесав лоб, потянулся к стоящему у него за спиной большому холодильнику.

Полудин удивился: Петрович никогда не мешал пиво с «целебной», а если и принимал, то с хорошего похмелья.

– Что с тобой? На пиво повело?

Полковник не ответил. Орудя столовым ножом, открыл тёмную, не успевшую запотеть, бутылку, деловито провёл рукой по стеклу и, взглянув на собаку, спросил:

– Ну что, подруга, ударим по пивку?

Полудин открыл от удивления рот.

Полковник нагнулся к столу, отыскал у себя под ногами замызганную плошку и деловито, словно врач, отсчитывающий больному целебные капли, стал лить живое пиво.

Запахло терпко, хлебно.

Дамка подбежала к миске. Лизнула. Потом, словно стесняясь, покосилась на чужого человека. Полудин пожал плечами: пей, коли хозяин разрешает. Успокоившись, Дамка отвела глаза от Полудина и стала громко, не стесняясь, лакать.

– Как бы не спилась твоя подруга! – сказал Полудин.

– Не позволим! – успокоил его Полковник. – Мы, брат, свою норму знаем. Да и как отказать ей, если хочется? Пей, милая, пей! Может быть, это твоя последняя радость... Ну хватит, хватит! – голос Полковника стал подчёркнуто строгим. – Место! Кому говорю? Место!

Но Дымка не спешила уходить. Словно стараясь задобрить хозяина, она сделала возле пустой миски охотничью стойку.

– Хватит! Хватит! – осаживал Полковник, но собака, похоже, чувствовала в голосе хозяина то ли слабину, то ли трудно скрываемую нежность, и преданно заглядывала ему в глаза. И старый ружейный охотник, вспомнив былые охоты, разразился такой восхитительной тирадой, что Полудину, слушая его, захотелось взять эту речь на карандаш:

– Ах, какая чутыстая была! Работала и верхним чутьём, и нижним. А потяжечка, потяжечка! И стойка! Встанет, как кремлёвский курсант на часах, даже шёрстка не шелохнётся. По птице замечательно работала. Я из-под неё столько гусей-уток заполевал – не счесть. Что делать,

брат! И у меня стойка уже не та. Всё прошло. Как говорится, соловьём залётным юность пролетела.

Дамка помахала послушно лопухой головой и даже не отошла, а как-то отползла к своей лёжке и прикрыла тёмные, с красной окалиной, глаза.

– Лежи! Лежи! – продолжал Полковник. – Слушайся старших по званию! Выпила малость, и на боковую. Верно, Плешивка?

– За что ты её так? – удивился Полудин. – Всё-таки дама.

Полковник заулыбался:

– Однажды забавная история случилось. Дело было весной. Как раз у Дамки линька началась. Лежит она у крыльца. Солнышко припекает. Разомлела моя собачка, глаза закрыла. Вдруг откуда ни возьмись сорока. Прыг моей Дамке на спину и вырвала клоч шерсти. Дамка, естественно, взвыла – и ко мне. Жаловаться на обидчицу. Я хотел по ней из ружья шарахнуть, а её и след простыл. Так и улетела с собачьей шерстью в клюве. Себе гнездо мастерить. Ну а моя Дамка с тех пор всех сорок возненавидела. Как увидит, обязательно облетает. Ну и я...

Полковник повинно склонил голову:

– Ну и я иногда, когда не в духе или ради шутки, её Плешивкой называю. Но она не обижается. Правда, Дамка? Гляди: кивает! Вот что значит женское сердце!

За разговорами не заметили, как за вечерело. За окном кружились жёлтые листья, скользили по облупленным рамам, прилипали к радужному от старости стеклу.

– А неплохо бы сейчас покомарить! – зевнул Полковник и, словно сдаваясь, протянул руки к потолку.

Полудину такое предложение пришлось по душе: после поездки и обильного застолья он заметно подустал.

На столе всё оставили как было. Даже остывшие куски шуки Полковник не прикрыл тарелкой. Хорошо знал: Дамка пищу со стола никогда не возьмёт, ну а если с потолка сорвётся какая-нибудь сонная муха, то он не из брезгливых!

Полудин сменил брюки на трико и устроился на диванчике возле русской печи. Вместо подушки у него под головой оказалась чья-то куртка-пуховка. И Полковник, не обременяя себя раздеванием, завалился на свою холостяцкую кровать.

Они спали недолго, но крепко. И проснулись, как по команде – словно первые петухи прокричали им полуночную побудку.

Сели за стол чаёвничать. Полковник сразу же, для полноты ощущений, опрокинул рюмку «целебной». Глядя на его ухарство, и Полудин не удержался: плеснул себе половинку. Ну а дальше... Дальше словно и не отвлекались на травяной, вызывающий к благоразумию, чай. Зазвучали во всю мощь душевные пожелания «Будь здоров!» и «Будь здоров!». Полудин почувствовал, как разгорается аппетит...

Полковник, расправив плечи, богатырствовал за столом.

– Обожаю рыбки глазки! – признался он, разделявая руками щучью голову.

– Ну ты и гурман! – рассмеялся Полудин. Чтобы понять шурина, он извлёк из другой щучьей головы белый глаз, похожий на горошину. Осторожно помусолил во рту и догадался, что могло привлечь склонного к изыскам Полковника: рыбий глаз обволакивал нежный жирок.

Два старика сидели за праздничным столом, ели и пили, не думая о возможных последствиях, и их разговор всё больше и больше напоминал голубиное воркованье.

– Хорошо! – сказал Полковник и, отодвинув стол животом, выпрямился во весь богатырский рост.

– Хорошо! – поддержал Полудин и тоже поднялся. Так хотелось размять застывшие ноги...

– А не пора ли нам? – таинственно начал Полковник и, улыбнувшись, замолчал. Его глаза по-молодому загорелись, и Полудин понял, что неугомонного Полковника, как когда-то, потянуло на ночные подвиги.

То, что в таких случаях приходило Петровичу в хмельную голову, очень напоминало какое-то закоренелое мальчишество, блажь, граничившую с глупостью, но почему-то всё, что он предлагал, не вызывало в душе Полудина отторжения.

– На Вишу? – неуверенно спросил Полудин. Сколько раз, завершив дружескую трапезу, они уходили на Озеро – разводили там костерок на тихом берегу, пекли в углях картошку и, если дело было летом, устремлялись наперегонки к стремнине, посеребрённой зыбким лунным светом.

– Далековато, брат! – вздохнул Полковник. – Сейчас не дойдём. Всё-таки полтора километра... – И, чувствуя, как напрягся Полудин в ожидании ответа, сказал: – Лучше сходим к Грушеньке. Давно мы у неё не были. Наверно, заждалась...

Полудин согласно кивнул.

Полковник собирался быстро, деловито: что-то, прищурившись, аккуратно переливал, старательно рассовывал по карманам длинного полевого плаща. А Полудин совсем заблудился в ворохе чужой одежды и, махнув рукой, напялил на себя стёганый ватник с оторванными петлями и даже попытался, вместо своей утеплённой фуражки, надеть на голову замусоленную фетровую шляпу.

– Не по сезону! – отрубил Полковник и, словно заботливая мать, нахлобучил ему, почти по самые глаза, лисью, с выпадающим волосом, шапку.

– Покорно благодарю! – вежливо поклонился Полудин.

Вялым неустойчивым шагом они вышли на улицу, немного постояли, наслаждаясь сладким воздухом. После прокуренной избы голова, казалось, слегка, какими-то пульсирующими толчками, отделяется от тела. Полудину захотелось посидеть на скамеечке, возле крыльца, немного прийти в себя, но Полковник поторопил:

– Не будем тянуть волюнку. А то и к рассвету не вернёмся ...

Привыкая к темноте, они вышли на деревенскую дорогу, отделяющую один порядок от другого, и пошли направо, к лесу.

В глубокой необъятной тишине слышался лепет срывающихся листьев. Иногда этот звук походил на сдержанные, затаённые всхлипы. Над странными полуночниками шевелились и мигали крупные осенние звёзды. Дорога, по которой они шли, терялась в дымке дневных испарений – казалось, она, разделяя лес, упирается в звёздное небо.

Они шли рядом, поддерживая друг друга. Хмель постепенно выветривался, и всё же Полудин ощущал в себе заметную неустойчивость, которая даже теперь, на свежем отрезвляющем воздухе, казалась непреодолимой. Оставалось одно: привыкнуть к себе, собраться и, словно подранок, дотянуть на перебитых крыльях до ближайшей деревеньки Красный Бор.

В какой-то момент они оба почувствовали, что, находясь рядом, почти плечом к плечу, не столько помогают друг другу одолевать путь,

сколько мешают: ощутимо толкаются и вот-вот могут подставить подножку. Порвав смычку, они пошли гуськом: Полковник – впереди, посвечивая себе полицейским фонариком, Полудин – позади, стараясь держаться, как человек, шагающий по сугробам: нога в ногу.

Полудин, отключаясь, находился в вязком забытьи. Он не ощущал ни расстояния, ни времени. Иногда ему казалось, что эта дорога будет длиться вечно. И тогда в душе возникала тоска от бесконечности и неопределённости пути.

«Куда мы идём? – сонно спрашивал себя Полудин и вдруг, словно очнувшись, вспоминал: – Ах, да! К Грушеньке...»

И на душе становилось спокойнее.

Он хорошо знал эту дорогу. Но теперь, после долгого отсутствия Полудина в этих краях, лес, примыкающий к дороге, сильно изменился, диковато загустел, и напрасно Полудин старался угадать, где находится «лосиный брод», пересекавший дорогу метрах в ста от Красного Бора. Приходилось полностью полагаться на уроженца этих мест – Полковника.

И всё же, когда Петрович, задумчиво потоптавшись на обочине, свернул с дороги на лесную тропу, Полудин засомневался: верно ли идём?

Опавшие ветки, запорошенные листопадом, постреливали под ногами. Однажды, проходя мимо разлапистой ели, Полудин неловко пригнулся – ветка ловко подцепила его шапку и отбросила в темноту. Полковник, недовольно бормоча, долго водил лучом по жёлтой, под цвет старой лисьей шапки, лиственной опади, а потом, отчаявшись, переключился на ветки. И когда Полудин ощутил на своей голове пробирающий до корней волос холодок, шапка обнаружилась на верхушке можжевельного куста.

Обходя берёзовый пенёк, Полудин споткнулся о выпирающий из земли скользкий корень.

– Куда ты завёл? – не выдержал Полудин.

– Спокойно, спокойно! – отозвался Полковник. – Здесь, даже если очень захочешь, не заблудишься.

«Только не при наших способностях!» – усмехнулся Полудин.

Они продирались сквозь колючие кусты терновника и одичалой сливы.

– Да вот она! – радостно заговорил Полковник. Он широко, словно собираясь кого-то обнять, распротёр руки.

– Здравствуй, Грушенька! – тихо сказал Полудин, дотрагиваясь до сердца – оно колотилось так, как будто он после долгой разлуки пришёл на любовное свидание.

Они стояли у старинного надгробья, припорошенного осенней листвой...

Грушенька! Что они знали о ней? Местные люди рассказывали, что когда-то, может быть, в некрасовские времена, дочь помещика Бурцева, писаную красавицу, невесту на выданье, ужалила в лесу змея. Безутешный отец решил похоронить единственную дочь недалеко от своего дома, в парке, который граничил с садом. Наверное, немолодой, к тому же страдающий болезнью ног, помещик Бурцев очень хотел, чтобы его дочь, даже упокоенная, была как можно ближе к нему.

Они сняли головные уборы.

– Помянем! – тихо сказал Полковник.

– Царствие тебе небесное! – У Полудина было такое чувство, что Грушенька за годы их тайных ночных свиданий стала для него родным, близким человеком.

Не торопясь, тягуче – словно принимая причастие – старики выпили из маленьких металлических стаканчиков, которые брали с собой на охоту. «Целебная», от которой недавно захватывало дух, показалась Полудину очень мягкой, с заметным оттенком густой сладости, напоминающей церковный кагор.

Стояла оглушающая своим безмолвием тишина. Казалось, даже ветхие листья, боясь нарушить земной покой, перестали срываться с деревьев. Полудин неотрывно смотрел на тёмно-синий, с мигающими огоньками, небесный купол. Ему подумалось, что, может быть, в последний раз они посылают земную весточку – поминанье забытой всеми юной Грушеньке. И от ощущения неуютта, острой тревоги ему вдруг захотелось в знакомую избу, где всё так просто, заземлённо и даже строгий лик Спасителя несёт отрадный покой, а не будоражит, как это ночное бездонное небо.

Полковник, закусывая, похрустывал яблоком. А Полудин уже вглядывался в глубину заросшего, соединившегося с диким лесом, помещичьего парка. И вдруг ему привиделась девичья фигура в длинном платье.

– Смотри! – тихо сказал Полудин и показал рукой.

Полковник перестал жевать:

– Туман! Обыкновенный туман!

– Ты посмотри! Посмотри! – настаивал Полудин. – Неужели не видишь?

Полковник хмыкнул:

– С каких пор ты веришь в привидения?

Полудин пожал плечами.

– Туман! – решительно сказал Полковник, и девичья фигура – словно потревоженная бесцеремонным звуком – стала быстро таять и менять узнаваемые очертания.

– Кто знает... Может быть, туман! – неожиданно для себя уступил Полудин, и тут же почувствовал, как потяжелело – будто налилось свинцом – его брэнное тело. Было такое ощущение, что Полудина из недолгого состояния невесомости опустили на грешную землю. Похоже, и Полковник, прислонившийся к гранитному надгробью, тоже был во власти изнурительной тяжести.

Они решили присесть на поваленную, упёршуюся сучьями в землю, старую сосну. Полковник, помедлив, стал откручивать крышечку своей походной фляжки. Полудин безучастно наблюдал за его неторопливыми, выверенными движениями. И так же безразлично, будто это не касалось его, принял из рук Полковника бутерброд с сыром.

– Помянем! – вздохнул Полковник. И, не дожидаясь Полудина, тихо выпил.

А Полудин почему-то медлил. Он словно ждал чего-то...

Колючая ветка царапнула его рукав.

«Терновник!» – приходя в себя, подумал Полудин. И, протянув руку, стал осторожно шарить в ветках, чтобы найти позднюю ягоду. И отыскал её, холодную, мягкую, с надорванной от спелости кожицей.

«А ведь это их ягода! – догадался Полудин. – Из барского сада...»

Не переставая думать о Грушеньке, он неторопливо выпил и закусил сладкой, с едва заметным перебродом, ягодой.

Полудин почувствовал, как кто-то, видимо, желая разбудить его, вежливо трясёт краешек свисающего одеяла. Он разлепил глаза, увидел над собой пространство, обшитое сосновыми досками, и вздрогнул от испуга: «Где же я?», но тут же вспомнил, что находится в гостях у своего шурина, а его беспокоит смышлёная Дамка. Догадался он, что хозяин только что встал: иначе Дамка не решилась бы тревожить спящего гостя.

В горле першило. Полудин кашлянул.

– Проснулся? – насмешливо отозвался из смежной комнаты Полковник. – Ну, как головка? Бобо?

– Есть немного! – признался Полудин. Голова, действительно, побаливала, но на душе было спокойно.

– Дур-раки! – сердито, словно отчитывая кого-то из подчинённых, проговорил Полковник. – Ду-ураки!

– Дураки! – легко поддержал Полудин, но, подумав, пошёл на попятную: – А почему, собственно, дураки?

И Полковник, сделав невинные глаза, засомневался:

– Да, действительно... А почему дураки? Что мы такого натворили?

– Никого не убили! – сказал Полудин.

– Никого не ограбили! – с достоинством продолжил Полковник.

– Не спалили! – нашёлся Полудин.

– Не обманули! – проговорил Полковник.

– Даже не оскорбили... – сказал Полудин.

Полковник поднатужился, стараясь отыскать в человеческой породе очередную пакость, но так и не нашёл. Сожалеюще пошевелил пересохшими губами и сделал заключение:

– Стало быть, всё в ажуре. Наша совесть чиста...

– Кто бы сомневался! – улыбнулся Полудин.

Полковник помахал руками и даже попытался сделать несколько приседаний. Но предательски скрипнули суставы, и Полковник, застыв в позе часового, спросил с придыханием в голосе:

– Ну, какой сегодня... сценарий? Точнее, сюжет?..

– Сходим в лес, на Озеро, – сказал Полудин, выбираясь из постели и с трудом пытаясь попасть босыми ногами в растоптанные тапочки. – Может, стрельну пару раз...

– Почему пару? – удивился Полковник.

– Да я взял только два патрона... – признался Полудин.

– А-а! – понимающе протянул Полковник. – Лень тащить? Так в чём проблема? Бери мои. У меня этих патронов, как у дурака махорки.

Полудин промолчал. Неторопливо, с передышками, оделся, попле-скал на опухшее лицо из рукомойника на кухне, а потом подошёл с бокалом к лоснящемуся от жара электрическому самовару.

– Ну как? – подмигнул Полковник. – По лампадочке?

– Попозже! – отказался Полудин. – Вечером.

– Вольному – воля! – Полковник с показной лихостью опрокинул рюмку и поправил прокуренные усы. – Предлагать можно, а неволить – грех!

Полудин, не торопясь, попил чайку с зверобойной заваркой и стал собираться на Озеро. Об охоте почему-то не думалось, и всё же он, на всякий случай, решил захватить с собой старое испытанное ружьё. Полковник безучастно поглядывал на его сборы, посасывал горькую трубочку

и, казалось, навсегда пристыл грузным телом к венскому, старинной работы, стулу. Но по мере того как Полудин всё больше и больше преобразался в охотника, Полковник начал проявлять заметные признаки интереса: зашевелился, даже привстал и, размышляя, потёр загорелый, с глубокими морщинами, лоб. И когда Полудин расчехлил ружьё, Полковник уже стоял у него за спиной со связкой бамбуковых удочек.

Пропустив вперёд радостно заскулившую Дамку, они вышли на улицу.

– Может, завести машину? – предложил Полковник.

– Неужели пешком не дойдём? – удивился Полудин. – Какой-то километр...

– Километр и двести метров! – уточнил Полковник. – Как знаешь!

Было бы предложено...

Полудину почему-то казалось, что он без труда одолеет дорогу до Озера.

Когда-то он собирался на охоту, словно на затяжную войну: набивал рюкзак по самую завязку, брал патронташ на двадцать четыре патрона... А теперь? Какое-то ружьишко! Ну сколько в нём будет? Не больше трёх килограммов. Неужели не донесёт?..

Лес начинался вблизи деревенских домов, за огородами. Можно было пройти через ближайший, хорошо прокошенный, прогон, но Полковник решил идти, как ему было привычнее, через свой земельный участок.

Огород Полковника, по-холостяцки неухоженный, зарос сорной травой – судя по едва обозначенным грядкам, Полковник ничего не сажал, кроме неприхотливой «закуси»: ранних огурцов да сочного лука-батуна. На красных обгорелых кирпичках, напоминая о шашлычных трапезах, стоял самодельный мангал, а возле мангала, на круглом столике, сиротливо приютились две стопки. Что удивительно, эти стопки были заполнены всклень.

«Дождевая вода!» – догадался Полудин. Давненько же хозяин не заглядывал в свой огород!

В правом углу огорода, в дощатом заборе, были оторваны две доски. Как раз в эту дыру и попытался втиснуться раздобревший от малоподвижной жизни Полковник, но застрял, словно разбухшая гильза в патроннике – ни туда ни сюда.

Полудин, подшучивая, вытолкнул Полковника, и тот, гордо распрямившись, степенно зашагал к рыжей окрайке соснового леса, высматривая среди кустов едва заметную тропку. Эта тропка выводила на проезжую лесную дорогу.

Осень брала своё, но она не казалась безнадёжно глубокой. На тёмных кустах можжевела ещё висели голубые неосыпавшиеся ягоды. По обочинам дороги, такой уютно-мягкой от опавшего листа, продолжали цвести нежно-голубые цикории, молочно-розоватый тысячелистник, а близ елей, среди зарослей папоротника, словно желая вернуть вторую молодость, зацвела брусника.

Задорно потряхивая красным хохолком, длиннохвостый дятел так долбил сухую сосну, что щепки летели. На багряных рябинах негромко переключались жирующие дрозды. Несколько раз тревожно прокричала сойка.

Полудин с жадностью вглядывался в лес, ловил каждый звук – было такое ощущение, что после тяжёлой, почти неизлечимой, болезни он каким-то чудесным образом выздоровел, и теперь самое малое из уви-

денного воспринималось им как драгоценный, дарованный Богом, подарок.

Он медленно шёл и почти не ощущал тяжести своего охотничьего ружья. Целиком поглощённый лесом, он словно хотел навсегда запомнить всё, что открывалось его взору, и такую радость доставила ему старая, почти развалившаяся надвое, берёза с повисшими до земли ветками, так похожими на новогодние гирлянды, с коричневым капом-наростом, который можно было принять издали на родинку, что он остановился и тайком, чтобы его душевного волнения не заметил Полковник, смахнул с лица нечаянную слезу.

До поры до времени зеленовато-мглистые ели скрывали от его глаз то заветное место, то которому он так стремился. И вдруг деревья впереди словно расступились. Посветлело так, как будто шагах в двадцати от них прямо в увядающую зелень опрокинулось голубое небо.

– Озеро! – буднично сообщил Полковник.

Дамка бросилась к воде и стала с жадностью лакать. В её глазах заиграли живые искорки.

Полковник бросил на землю удочки, расправил плечи. Казалось, он сейчас наберёт воздуха и, глядя на противоположный берег, прокричит по-молодецки, изо всей мочи: «Кто украл хомуты?» И лесное протяжное эхо ответит ему: «Ты-ы! Ты-ы-ы!» Но Полковник почему-то не решился на былое озорство. По-медвежьи потоптался и сел на дубовый пенёк, чтобы раскурить свою трубку.

Полудин оглянулся по сторонам: где бы присесть? Метрах в пяти от него томилась на суше привязанная цепью к сосновому, выпирающему, как плечо, корневищу, старая лодка. Он повесил ружьё на сук и, подобрав ноги, уселся на облупленную корму. С трудом догадался: когда-то лодка была выкрашена в небесный цвет.

Полковник, не выпуская трубку изо рта, поднял спиннинг и сделал широкий, плавный взмах:

– Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Полудин, задумавшись, неотрывно смотрел на другой берег, объятый красным пламенем осинника, который, отражаясь, окрашивал воду в такой же пламенный цвет. И в этом пламени, меняя окрас, плавали утки. Готовясь к дальнему перелёту, они оправляли крылья, чистили клювы. Потом с шумом поднимались на крыло и, сделав несколько прощальных кругов, строились в косяки.

Ветерок проходил мелкой чешуйчатой рябью по стремнине Озера, тихо шелестел в обвялых камышах, среди которых, на светлых чистинках, золотились чашечки кувшинок.

Справа от Полудина, в дали протяжённого Озера-реки, клубился лёгкий туман, рисуя призрачные лодки, похожие на долблёнки, странно одетых людей с длинными шестью. Когда из-за туч проглядывало солнце, видения, размываясь, исчезали. Что это было? Обычный мираж? А может, эфирный оттиск прошлой жизни? И если это так, думал Полудин, то вся наша земная жизнь, от младенческого крика до последнего, излётного, вздоха, запечатлена на небесном полотне. Но разве отражается только брменная плоть? Наверное, и все наши мысли, как праведные, так и греховные, тоже живут в неведомом для нас пространстве. Нет, не должна бесследно исчезнуть ни одна написанная книга, ни одна музыкальная мелодия. Вечное Небо окормляет и вдохновляет нас, и, кто знает, может быть, гениальный Моцарт, сам того не ведая, играл по небесным нотам...

– Есть! – заорал Полковник.

Полудин вздрогнул. С недоумением посмотрел на прыгающего от радости пожилого человека, возле ног которого извивалась пятнистая щука.

– Есть! – повторил Полковник и, надламывая щуке голову, с торжеством посмотрел на недвижимого, всё ещё погружённого в свои дальние мысли, Полудина.

Полудин пришёл в себя, заулыбался: уж так был трогателен этот человек, радующийся простой удаче.

Лес заманчиво шумел. Несколько бекасов, сбившись в стайку, с криком пролетели над прибрежными камышами и осокой. Полудин оглянулся. Увидел на безжизненном суку своё охотничье ружьё и неожиданно для себя заволновался. Вспомнилось, как он азартно охотился за неуловимым ястребиным князем, и ему вдруг захотелось – кто знает, может быть, последний раз в своей земной жизни! – пойти на знакомые тетеревиные тока, к брусничному болоту и, если повезёт, заполевать того большого краснобрового лесного петуха, который так живо, так приманчиво явился ему в утреннем сне.

– Ты куда? – забеспокоился Полковник.

– Я недалеко... – сказал Полудин.

– Ну-ну! – согласился Полковник и снова уставился на пёрышки поплавок.

Дамка покосилась на уходящего охотника и безразлично закрыла глаза.

И отправился на охоту Полудин один, без вежливой, чутьистой собаки – как говорят в таких случаях ружейные охотники, самотопом. И, наверное, хорошо, что Дамка не увязалась за ним: мало проку охотиться по перу из-под чужой, к тому же старой, собаки.

До Маришкиного тока, самого ближнего, было минут десять хорошей ходьбы. Полудин не торопился. Под ногами приятно шуршала пёстрая листва. Дышалось легко, просторно. И почему-то казалось, что он наверняка вернётся с желанной, обозначенной во сне, добычей.

Тревожно, словно предупреждая о чём-то, прокричала сойка. Однако Полудин, нацеленный всей душой на охоту, ничего не услышал в вещем голосе птицы.

То, что осталось от Маришкиного тока, повергло Полудина в уныние. На знакомом месте уныло торчали жерди охотничьего скрада с поваленными на него рыжими еловыми ветками-присадами. Чёрная заскорузлая шапка-ушанка на колу когда-то была хорошей привадой для горячих косачей.

Напрасно Полудин присматривался к круговине тока, стараясь разглядеть на ней, пусть едва обозначенные, бороздки-наброды, найти хотя бы пару пёрышек. Он не обнаружил ни одной приметы тетеревиной свадьбы. Возможно, они и были, но их припорошила курчавая берёзовая листва.

«А не махнуть ли мне к болотам через Галямин бор?» – прикинул Полудин, снимая с плеча потяжелевшее ружьё. Он пошевелил затёкшим от неподвижности указательным пальцем – словно хотел убедиться, не подведёт ли он его на этот раз. Палец гнулся легко.

И вдруг подумалось:

«А может, зря я взял только два патрона?..»

Он неторопливо шёл вперёд, приглядываясь не только к бронзовым веткам сосен, но и к земле, к глянцевито поблёскивающему

брусничнику, где можно было встретить жирующего на спелой ягоде тетерева-мошника.

Вдруг с фыркающим звуком с полуголой берёзы сорвался хохлатый петушок.

«Рябчик!» – догадался Полудин. Он даже не успел вскинуть ружьё и тут же подумал себе в оправдание: «Ну зачем он мне?»

Он шёл и порой забывал, куда и зачем идёт. Просто нравилось идти. Нравилось вдыхать острый запах смолы, видеть, как в тени хвойных деревьев переливаются, словно чистые зеркала, диски паутины.

«Не убью – так хотя бы посмотрю!» – думал Полудин.

Но в какой-то момент в нём просыпался азартный охотник:

«Всё-таки я возьму его! Должен взять!»

Он спокойно смотрел на выглядывающие из-под лиственного покрова серые и фиолетовые рядовки, но толстый боровик с коричневой шляпкой, покусанной по краям, – то ли поработала улитка, то ли белочка – оказался такой привадой, что Полудин не удержался от желания сорвать его или хотя бы потрогать.

Боровик рос на склоне чашеобразной ямы. Полудин переложил ружьё из правой руки в левую и осторожно, вдавливая стёршиеся каблуки сапог в землю, стал спускаться. И вдруг его нога поскользнулась на мокром листе, пальцы левой руки ослабели, и ружьё, кувыряясь, полетело в яму.

Провожая взглядом ружьё, Полудин глянул вниз, и его лоб покрылся холодной испариной. Поджилки ног задрожали. Чтобы хоть как-то удержаться, он ухватился за жёсткие стебли полыни...

На дне ямы, сплетаясь в большой клубок, копошились змеи. Гадюки поднимали свои плоские треугольные головы, лениво переползали с места на место. Потревоженные падением ружья, они завозились сильнее, и, казалось, одна из них, самая матёрая, с зубчатой пестриной по хребту, потянулась к ногам Полудина.

Понимая, что полынь его не удержит, Полудин отчаянно шарил сапогом, пытаясь вытоптать местечко понадежнее, поуступчивее ...

То, что происходило с ним сейчас, казалось не явью, а каким-то дурным сном, и вместе с тем он не знал, что делать, чтобы избавиться от этого сна.

– Господи! – тоскливо выдохнул он. И, сам не зная зачем, вскинул к небу правую руку.

И вдруг он почувствовал, как к его, потным от страха, пальцам прикоснулась тонкая женская рука.

«Нет! Не удержит!...» – пронеслось в голове, и в это же мгновение, опровергая логику, какая-то неведомая сила подняла Полудина, словно тополиную пушинку, и твёрдо поставила возле молодой берёзки.

Одну из веток этой берёзки Полудин держал мёртвой хваткой. Он чувствовал, как ноют, по-зимнему заледенев, его пальцы, но не мог их разжать. И всё же тепло медленно поступало к нему. Побелевшие до синевы пальцы оттаивали. Наконец его рука отпустила тонкую, с бархатно-белёсым налётом ветку, и она облегчённо распрямилась.

Полудин глянул вниз. На дне ямы валялся белый боровой гриб с отпавшей шляпкой – видимо, Полудин, взлетая, задел его ногой, – и большая матка-змея обвивала в несколько колец охотничье ружьё. Маленький змеёныш, словно намереваясь проникнуть в ствол, крутился возле дула, но ещё сохранившийся запах пороха отпугивал его.

«Как же достать ружьё? – размышлял Полудин. – Сейчас пригодилась бы колодезная кошка»...»

Он смотрел на своё полонённое ружьё, прикидывал глубину ямы и, как показалось ему, додумался. Однако без помощи рыбака вряд ли можно было обойтись...

Полковник встретил охотника без ружья весёлым хохотом:

– Ну ты, брат, даёшь! На охоте, конечно, всякое бывало. Теряли сумки, патронташ. Однажды, было дело, поллитровку возле костра оставили. Но чтобы ружьё... Я умираю! Не могу...

Полудин, мрачный, не улыбочивый, объяснил, что случилось. Полковник посерьёзней и стал собирать удочки. Одну из них, с прочными, зацепистыми крючками, отложил в сторону.

Вскоре они стояли на краю ямы. Дамка, тревожно поскуливая, смотрела на змеиный клубок, но подобраться ближе не решалась.

Полковник задумался:

– Здесь не более двух метров...

По-стариковски согнувшись, стал распутывать капроновую леску. Вздохнул:

– Не знаю, выдержит ли...

Осторожно, с задержками, он водил удочку, стараясь подцепить кожаный, потрескавшийся от времени, ремень. Большая змея обвивала ствол и приклад – она словно не собиралась расставаться с редкой добычей. Змеёныш, заглядывающий в дуло, куда-то исчез.

– Проще змею выловить! – сказал Полковник.

Наконец он поймал краешек ускользящего ремня, но крючок зацепился непрочной. Стоило Полковнику потянуть удочку, как ружьё упало. Испуганная гадюка соскочила с двустволки.

– Нет худа без добра! – усмехнулся рыбак и снова погрузился в нудную ловлю.

– Чуть-чуть левее! – подсказывал Полудин. – Теперь немного опусти. Так, так...

– Сегодня, кажется, Воздвиженьё! – вдруг вспомнил Полковник. – В этот день змеи всегда в клубки свиваются...

Рыболовный крючок, то поблёскивая, то совершенно теряясь из вида, скользил по ремню, иногда, обнадёживая, позванивал возле стального кольца, и всё же, в конце концов, бессильно повисал в воздухе.

Полковник покряхтывал, то ли от усталости, то ли от нарастающего от минуты к минуте раздражения. Несколько раз он, словно советуясь, красноречиво взглянул на замершего в ожидании Полудина: «Ну что будем делать? Похоже, пустой номер...», но в какой-то миг, опровергая все сомнения, рыболовный крючок цепко, по-ястребиному, закогтил кожаный ремень.

Полковник удовлетворённо крикнул и легонько, ещё не веря удаче, потянул удочку к себе. Леска натянулась, словно тетива – казалось, она вот-вот зазвенит от напряжения.

Полковник всё понимал, всё учитывал. Боясь обрыва, он не стал поднимать удочку над собой, а повёл в сторону, почти горизонтально, словно ружейный охотник, пытающийся взять птицу «поводком». Он вёл удочку плавно, набирая высоту с таким расчётом, чтобы ружьё приземлилось на краю ямы.

– Есть! – не сдерживая себя, вскричал Полковник. – Есть! – Он радовался так, как будто извлёк из озера ещё одну щуку.

Полудин взял в руки холодное, с прилипшим сердечком берёзового листка, ружьё, долго разглядывал его и даже заглянул в стволы – словно опасался, что там, в пороховой гари, притаился коварный змеёныш.

– Ну что, брат? – посочувствовал Полковник. – Не повезло тебе с охотой?..

– Как сказать... – проговорил Полудин и осторожно пошевелил пальцами ожившей руки. Сейчас, когда опасность миновала, он подробно представлял картину своего спасения и не мог до конца понять, что же случилось с ним: то ли это было чудо? то ли он обязан своей силе разбуженной страхом?

Вечерело. Лучи закатного солнца, рассыпаясь веером, ложились на неподвижные сосны, зажигая янтарь застывшей смолы, и в гущине леса, в тёмных корявых буреломках, начинал струиться голубоватый туманец, обещая прохладную ночь.

По узкой тропинке, то и дело виляющей среди деревьев и кустарников, Полковник и Полудин направились к деревне. Дамка, зажав в зубах холщовую сумку с рыбой, трусила следом. Было необычайно тихо, только похрустывали сучья под ногами и где-то справа, ближе к Озеру, жалобно, по-стариковски, постанывало дерево. И так неожиданно, словно дело было весной, прозвучало внятное тетеревиное бульбуканье...

Полудин остановился, вслушиваясь. У него не было желания снять с плеча охотничье ружьё. Просто хотелось воскресить в памяти тетеревиную свадьбу.

– Родник! – буднично сказал Полковник.

Они подошли к ветвистой струе, вытекающей из-под гладких коричневатых камней-дикарей, и не могли удержаться от желания испить прозрачной, отдающей зимним холодком, воды. Полудин даже умылся.

Быстро темнело. Сучья, упавшие на тропинку, порой напоминали замерших змей, и Полудин, шагая, старался повыше поднимать ноги, пугающе шуршать сухой листвой.

Усталость давала себя знать. Казалось, Полудин сегодня бродил целый день по моховому болоту, среди шатких кочек и высоких, по самую грудь, тростников. Он то и дело перевешивал ружьё с плеча на плечо и в конце концов, не выдержав, положил его на плечи – теперь оно походило на крестьянское коромысло.

Но по-настоящему усталость проявилась тогда, когда Полудин и Полковник, вдоволь потолкавшись плечами, переступили избухой порог. Полковник заохал и стал растирать занемевшую поясницу. Полудин, словно тяжёлый куль, бухнулся на табуретку и, чуть отдышавшись, стал стягивать с себя одежду. Одежда была сухой, но снималась с великим трудом – казалось, Полудин только что побывал под проливным, прохватившим его до нитки, дождём. И даже тогда, когда он освободился от верхней одежды, было такое ощущение, что ватник продолжает давить на плечи.

Покачнувшись, едва не упав, Полудин повесил ружьё на крючок и тихо пожелал:

– Отдыхай!

И тут же повалился на жалобно скрипнувший диван. Глаза сами закрылись. И без какого-либо страха, без старческого опасения – а вдруг уснёт и не проснётся! – Полудин провалился в глубокий здоровый сон

и, проснувшись, почувствовал себя помолодевшим и готовым к продолжению праздника.

Полковник, что-то напевая себе под нос, уже занимался приготовлением коронного блюда: картошки-мятухи со свиной тушёнкой.

– Пожалуй, и сосисочек отварим! – говорил Полковник. – Уж больно хороша эта «Ядрёна копоть»! Охотничьим костерком попахивает...

Полудин решил растопить печку-буржуйку. С плетёной двухручной корзиной он отправился во двор за берёзовыми дровами и поразился, насколько поредела когда-то плотная, словно патроны в гнёздах, поленница. С большим трудом он обнаружил среди сучклявых дров несколько подходящих кругляшей, разделал их на куски затупившимся колуном, а потом набрал сухих веток и коры для розжига...

Печка долго не пускала дым в свои закопчённые бронхи, но через некоторое время, сипло прокашлявшись, задышала свободно. До поры спёртый воздух полетел в трубу с радостным свистом.

«Давненько же он не топил печь!» – подумал Полудин.

Старики, поглядывая друг на друга и беспричинно улыбаясь – просто хорошо было на душе, – сели за широкий крестьянский стол.

– Ну что? – спросил Полковник. – Наполним бокалы, содвинем их разом?.. Как насчёт тоста?

Полудин задумался. И вдруг родилось легко, без особых усилий:

– Давай за жизнь!

Полковник внимательно посмотрел на него и, избежав командирского «отставить», согласился:

– А что? Подходящий тост...

Они выпили и, смакуя вкус лесных трав, не сразу потянулись к закуске.

А в печи весело, с отчаянным треском, горели сухие берёзовые поленья, чтобы вскоре, помигав прощальными огоньками, превратиться в лёгкий сизоватый пепел. Уйти, оставив после себя недолгое тепло.

Полковник покосился на стенку. Там, среди пожелтевших охотничьих фотографий, рядом с бельгийской двустволкой центрального боя, висела его семиструнная гитара.

– Ну что, подруга? Давненько я тебя не обнимал! – Полковник грузно поднялся и, потянувшись всем телом, взял гитару в руки.

Прежде чем запеть, он проверил на широком, набухшем, как у токующего тетерева, горле ворот сатиновой рубахи – не стесняет ли? – и долго, настраивая, перебирал тусклые струны.

– С чего начнём? – спросил себя Полковник и, улыбнувшись, затянул старую охотничью песню:

– В островах охотник
День-деньской гуляет...

Полудин вслушивался в глуховатый баритон Полковника и негромко, стараясь не мешать, подпевал.

Полковник замолчал. Машинально потянулся к рюмке, но передумал. Сделал несколько глотков минеральной воды и задумчиво, глядя куда-то в даль, поверх головы Полудина, пообещал:

– Сейчас ещё спою. Не знаю, вытяну ли?..

Он пошевелил пальцами правой руки. Глядя на него, и Полудин, не удержавшись, поиграл оттаявшей пятернёй.

Полковник начал негромко. И первую фразу даже не пропел, а проговорил так, как будто сочинил её сам:

Соловьём залётным
Юность пролетела...

Он пел просто, без какого-либо нажима, словно исповедуясь перед кем-то, и потому песня по-особому брала за душу:

Пора золотая
Была, да сокрылась.
Сила молодая
С телом изнасилась...

Полковник довёл песню до конца, прикрыл глаза, а в ушах Полудина, повторяясь, словно лесное эхо, ещё звучали грустные слова Кольцова. В избе стало душно. Полудин поднялся, чтобы открыть форточку. Когда раздвигал выгоревшую от солнца тюлевую занавеску, укололся о колючки большого, согнувшегося под своей тяжестью, кактуса, который остался после смерти Полины, большой любительницы домашних цветов. С удивлением заметил золотистый бутон...

– Да у тебя кактус зацвёл! – воскликнул Полудин. – Вроде бы не время...

– Знаю! – равнодушно сказал Полковник. – Этот бутон только два дня продержится и опадёт.

– Что же ты будешь делать с этим кактусом? Как обычно, отнесёшь на зиму соседям?

– Не знаю, не знаю. Наверно, выброшу. Уж больно он колюч! – Полковник задумчиво поглаживал струны. – Пора и мне определяться с отъездом. Вот дождусь холодов и съеду. Не хочется в Москву, а уезжать придётся. Зимой в деревне скука заест...

– С каких это пор ты стал скучать? Неужели дамы теперь не навещают? – весело, стараясь подбодрить старого гусара, заговорил Полудин. – Неужели по ночам никто не стучится?

Полковник удивлённо, словно его внезапно уличили, посмотрел на Полудина и признался:

– Бывает, стучат...

И, не дожидаясь вопросов, продолжил:

– Думаешь, шучу? Нет, брат, нет. Тут такое дело. Как-то лёг спать и вдруг – стук в дверь. Я оделся, вышел. Нет никого. Я даже за угол заглянул. Пусто! А через месяц такая же история. Опять постучали. И ни души. До сих пор голову ломаю: что за стук? Словно кто-то в избу просится, а может, зовёт куда-то...

Полудин зябко передёрнул плечами и прислушался.

Было слышно, как в соседней комнате цвиркали настенные часы. В этих мерных звуках, напоминающих о бренности земной жизни, было что-то от пыточных капель, ударяющих заключённому в одну и ту же точку. Чтобы сохранить душевное равновесие, нужно было, пусть ненадолго, отключиться, забыть о быстротекущем времени, но Полудин, помимо воли, продолжал вслушиваться в удары часов в ночной, заполненной тягостным ожиданием, тишине. И когда раздался негромкий, но требовательный стук в наружную дверь, он почему-то не очень удивился.

Старики переглянулись. Полковник замер, словно охотник в засидке, и крепко сжал тонко пропевшую гитару. Он умоляюще смотрел на Полудина, и тот, поняв, что хозяину не хочется самому открывать дверь, поднялся из-за стола и медленно, словно откладывая развязку, вышел в коридор.

Осторожно, выставив перед собой колено, открыл дверь..

– Зда-арово! – растяжисто, обнимая Полудина за плечи, заговорил сосед Славка, жилистый, невысокий мужичок с весело поблёскивающей коронкой возле щербы. – С приездом тебя! Вышел я, значит, покурить. Смотрю: что такое? У Петровича свет в двух половинах, гитара разливается. Давненько такого не было! Ну, думаю, надо зайти. Глядишь, и я подпою...

* * *

Полудин, умиротворённый, отдохнувший душой после недавней поездки, сел за свой письменный стол, запорошенный четвертушками бумаги, чуть задумался и легко – будто слова сами просились к нему – записал первую фразу новой повести: «Алый, с крупными старческими прожилками, лист русского клёна, побитый морозными утренниками и влажными ветрами, ещё каким-то чудом держался на восковом черенке, старался прилипнуть своей резной окрайкой к морщинистой тёмной ветке, чтобы побыть как можно дольше с родившим его деревом, не упасть в груды таких же отживших листьев, столь похожих с беглого взгляда, но – если хорошо присмотреться – всё же очень разных и неповторимых...»